

Русская жатва

Проведение Специальной военной операции на Украине и территориях Донецкой и Луганской народных республик стало делом, на которое сразу откликнулись миллионы россиян. Не остались в стороне и приходы Чеховского церковного округа. С 2022 года социальный отдел благочиния развернул работу по сбору и отправке гуманитарной помощи нашим бойцам, а вскоре по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла и архиепископа Подольского и Люберецкого Аксия на передовую отправились добровольцы из числа духовенства с особой миссией пастырского служения. По нескольку таких поездок совершили настоятель Никольского храма в селе Стремилowo иерей Валерий Загорцев, настоятель Преображенского храма в посёлке Новый Быт иерей Павел Иванов, настоятель храма мученика Иоанна Воина в посёлке Чернецкое иерей Алексей Кислов, настоятель Георгиевского храма деревни Капустино иерей Дмитрий Юрасов. Также участвовал в поездках настоятель Вознесенской Давидовой пустыни игумен Сергей (Куксов).

Приезжая в Донецк, отцы направлялись оттуда в различные воинские соединения на передовой линии фронта и не только служили там молебны, но и причащали, исповедовали и даже крестили. Воины очень тепло и радушно принимали наших настоятелей, участвовали в церковных таинствах. Рискуя жизнью наравне с бойцами, священники делали одно большое общее дело защиты нашего Отечества и Православия. Об одной из таких командировок рассказывает в своём репортаже отец Павел Иванов.

Выезд в прифронтовую зону из ППД был намечен на утро. Сборы были недолгими. Минут за сорок до отъезда командир объявил мне о своей готовности и предложил погрузить вещи в его уазик. По прошлым нашим встречам я уже понял, что, если выезд намечен на 9, готовиться надо к 8. И это знание мне не раз помогало. Как ни пытался я сократить массу рюкзака, мне это не удалось. Он упрямо весил 30 кг. Коробка со сладостями для бойцов, собранная на приходе, требная сумка со всем необходимым для религиозного окормления бойцов, аккуратно переместились в уазик.

Автомобиль в прифронтовой зоне является первоочередной целью для вражеских «птичек». Поэтому в обязательном порядке я надел бронежилет и каску. Было по-летнему тёплое, сухое и весёлое донецкое утро, когда закончилась погрузка, и я с большим трудом, сгибаясь в три погибели, залез на переднее сиденье автомобиля. Мы тронулись. За окном мелькали последние дома и изрешечённые осколками изгороди прифронтового города.

Последние блокпосты. Нас быстро пропускали после сообщенного военной полиции дневного пароля. Качество асфальтированной дороги резко ухудшилось. Чаше стали попадаться места, поражённые снарядами. Одновременно с этим появился гулкий вой от резины, как от потерявшего смазку подшипника. Это были танковые траки, которые сделали глубокие борозды в асфальте. Справа и слева на плодородных чернозёмных донецких полях - бетонные «зубы дракона». Командир заметно увеличил скорость, детектор дронов «Булат» пока молчит.

Через некоторое время мы свернули на просёлок. И стало понятно, что начинается самый опасный этап нашей поездки. Скорость упала до 10 км/ч. Если ехать быстрее, то в салоне автомобиля все, включая людей, будет летать как теннисный мячик. Этим обстоятельством пользуется противник и посылает, атакуя цель, FPV-дроны (камикадзе) - небольшое устройство, которое несёт на себе боеприпас. Двигается достаточно быстро. При средней загрузке может достичь скорости 100км/ч. Убежать от такого изделия по просёлочной дороге невозможно. По сути, варианта может быть только три. Или камикадзе летит не по вашу душу, или вы покидаете автомобиль и скрываетесь в ближайшей зелёнке (можно вместе с автомобилем), или же вы включаете РЭБ. Наличие средств радиоэлектронной борьбы, по сравнению с июлем, я во множестве обнаружил на военной технике, пока ехал к месту постоянной дислокации. В нашей машине тоже был включён «Булат». Периодически он сообщал нам о том, что в зоне его контроля работают DGI-дроны. Как правило, они занимаются сбором информации, но могут и работать по одиночным стоячим целям. Они не пикируют на свою жертву, как камикадзе, а сбрасывают боеприпас с большой высоты или на пехоту, или на стоящую технику. Чтобы с такой «птицы» сбросить осколочный боеприпас на движущийся уазик, нужно быть запредельным мастером. Поэтому мы особо не обращали внимания на оповещение «Булата» о DGI.

Приблизившись к середине пути, я увидел страшную картину. На дороге лежали два наших развороченных автомобиля. Это были «буханка» и «Нива». Командир объяснил мне, что один автомобиль сожгли укропы дроном-камикадзе, а второй подорвался на своей ТМ-ке, разъезжаясь глубокой ночью со встречным транспортом. Были и 200, и 300. Больно, горько, обидно.

Миновав это место трагедии, мы продолжали дальше свой путь, придерживаясь своей средней скорости, как вдруг частое и настойчивое пищание сообщило нам о приближении FPV-дрона. «Наш - не наш? А если не наш, то бить будет по нам или не по нам?..» - на раздумье всего лишь сорок секунд. За это время мы успеваем залететь в

зелёнку, заглушить мотор и прислушаться. Через пять минут стало ясно, что птица летела не за нашим уазиком.

Оставшиеся километры были пройдены без приключений. Меня привезли, поселили в хорошо знакомую ещё по апрелю позицию. Я попрощался с командиром, с которым были предварительно согласованы условия завтрашней поездки в населённый пункт, находившийся в непосредственной близости к штурмуемому городу. Поездка была рискованная. К ней нужно было хорошо подготовиться, чем я и занимался до вечера. Вечером командир роты, к которой я был прикреплен, позвал меня дойти до одной позиции. В его обязанность входило каждый вечер и утро проверять наличие мин по дороге к этой позиции. Она является перевалочным пунктом при заброске личного состава в населённый пункт, в который я должен был завтра поехать.

Когда мы вышли на маршрут, был тихий осенний тёплый вечер. Вообще донецкая степь очень ласковая, гостеприимная и совсем не однообразная, как может показаться на первый взгляд. Ветра не было, поэтому нужно было идти и «работать ушами», т.е. слушать воздух на предмет появления вражеской «птички». Шли мы, немного переговариваясь, обсуждая перемены, которые произошли на фронте с апреля. Незаметно промелькнуло три с половиной километра, и мы увидели большую группу военнослужащих, чего-то ожидавших. Подойдя к ним, мы поняли, что это бойцы нашего батальона, которые идут на ротацию. Уставшие и грязные, они ждали транспорт, который должен был забрать их в тыловые подразделения. Не обратив на меня никакого внимания, они продолжили шумно общаться, используя ненормативную лексику. Это надо было остановить. Я обратился к командирам отделений и попросил их построить подчиненных для молитвы и крестного целования. Поразительно, как русские души реагируют на требование священника. Мат тут же прекратился, и все построились, внимая моему слову. Я призвал молиться Богу о победе и поминать усопших товарищей, что мы и сделали, совершив краткие моления.

Солнце зашло, и очень быстро стемнело. Ребят забрали на «буханках», обвешанных разными экранами и цепями. Как что-то потустороннее выглядят эти машины, врывающиеся в твой мир из тьмы с включенными фарами, заклеенными красным скотчем. Минута на погрузку. Контроль неба. И суровые, немногословные водители спешно уезжают в ночь. В повисшей тишине ярче стали слышны разрывы снарядов нашей артиллерии. В этот вечер она особо тщательно утюжила укропов. Договорившись о будущей встрече с командиром позиции, мы пошли к соседям.

Небо вызвездилось, и без фонаря уже можно было определить очертания дороги. Но небольшая подсветка всё же была нужна, потому что задача командира и его подчиненного, с которыми я шёл, была искать мины. Это разного рода диверсионные средства, которые противник сбрасывает с дронов, чтобы нарушить нашу логистику и нанести урон живой силе. После нескольких случаев подрыва автомобилей и личного состава был приказ обходить пешком дороги снабжения и нейтрализовывать мины. Поэтому мы шли с включёнными фонарями.

На последней позиции нашего обхода нужно было договориться о завтрашней поездке к ребятам на передок. Нас увидели издалека. Приветствия, радостные объятия настоящей фронтовой мужской дружбы. Отказываемся от чая. Нет времени, ещё обратно идти два часа. С машиной на передок договорились. Когда шли обратно, я опять рассматривал бесконечно глубокое донецкое небо. Не знаю, почему здесь звезды выглядят гораздо выразительнее, чем у нас. Может быть, и на них война наложила свой отпечаток? Война кристаллизует отношения людей. Здесь, на войне, – настоящая дружба и боевое братство. Такое на гражданке трудно найти.

Утром следующего дня я проснулся от суеты и шума, который внезапно начался в нашем блиндаже. «Батюшка, вы ещё спите?! - будит меня боец, - за вами замкомбата приехал, срочно вызывает». У меня сердце в пятки. Смотрю на часы - 5:45. Договаривались же на 8:00! Спросонья понимаю, что всё изменилось. Срочно одеваюсь за пять минут. Получаю нагоняй, что не был вовремя готов, и прыгаю в уазик. Разумеется, мямлить, что мы договорились на восемь, а сейчас только шесть, я не стал. Мы в армии, и надо всегда быть готовым. Меня спасло то, что я собрался с вечера. Я неоднократно попадал в такие ситуации, но меньшего масштаба, и понял, что здесь не ждут, и время выезда регулируется оперативной обстановкой. Просто этой ночью комбат изменил время выезда, исходя из соображений безопасности.

Дальше всё быстро. На Уазе доезжаем до условной точки, где пересаживаемся на багги, он же шахид-мобиль. Это вторая модель «Жигулей», у которой отрезаны задние стойки и крыша, кроме места водителя. Удобство в том, что на таком транспорте удобно перевозить трехсотых и любые грузы, требующие быстрой погрузки. Пехоте удобно передвигаться на этих автомобилях, потому что можно мониторить небо и быстро эвакуироваться в случае опасности.

Меня с замполитом и замкомбатом разместили в багажнике на ящике от патронов, который стоял на металлическом полу багажного отделения. Багги рванул с места в галоп.

Мы ехали по разбитой грунтовке. Сидя на ящике в бронежилете и каске, с тяжёлой требной сумкой, я понимал, что одна хорошая кочка - и мои позвонки спрессуются.

- Смотрим небо! - поступил приказ. «Булат» молчит. На середине пути от него поступил сигнал, что рядом работает FPV-дрон. Сбрасываем скорость, слушаем небо. Убеждаемся, что не по нам работает. Набираем скорость и на полном ходу въезжаем в нужный нам населённый пункт. Машину сразу в зелёнку. Моя задача обойти позиции бойцов, помолиться с ними и причастить желающих.

О подробностях нашего похода я не могу говорить. Могу лишь сказать, что крещёные души бойцов, прошедших пламень войны, реагировали на моё появление очень трепетно. Не нужно никакой «катехизации и миссии». Нужно только пожинать плоды веры этих мужиков, которые, увидев смерть, навсегда полюбили Того, Кто дал им жизнь. Не я им преподавал уроки, а они учили меня мужеству, честности, искренности и, самое главное, умению покоряться Суду Божию о себе. И в госпитале, и на переднем крае я спрашивал добровольцев: «Что вас сподвигло пойти подписать контракт?». Ответы по форме были разные, но общая суть их заключалась в том, что людям надоело смотреть, как погибают мирные граждане, как погибают их земляки-военные, как враг топчет Русскую Землю. Они чувствовали, что Родина-Мать зовёт, и недостаточно перечислить тысячу рублей на Курск или пять тысяч на тепловизоры штурмам. Эти простые мужики смогли пройти через «игольное ушко», их души не были связаны желанием благополучия земного. Из-за этого с ними разводились жёны и из-за этого же они несравненно выше всех беглецов Верхнего Ларса, в том числе с богословским образованием. Господь сказал, что нет больше той любви, если кто душу свою положит за друзей своих. Они смогли. И теперь Господь жнёт их русские души для Царствия Небесного. А сможем ли мы? В этом и есть проверка подлинности нашей личной веры, всей нашей жизни.

Посещение переднего края прошло благополучно. Старый спальник, положенный на ящик от патронов, спас мой и замкомбатовский позвоночники от компрессионных травм. Вернувшись в свою норку, сняв бронежилет и требную сумку, я упал замертво на нары и проспал несколько часов в полной темноте нашего сырого подземелья. Тогда я уже не думал о сырости и мышах, которые бегали везде. Было только одно желание – вернуться к чтению «Тихого Дона».

Все последующие дни прошли похожим образом. На каждый день был запланирован выход на ту или иную позицию. Молебны, литии, беседы с бойцами.

Протопали мы тогда с командиром роты за всё время больше тридцати километров. В броне и прочими атрибутами военного снаряжения. И везде нас встречали с улыбкой. И везде усаживали пить чай. И везде в осенней донецкой тишине, прерываемой работой артиллерии, свято пела наша многострадальная земля о «русской жатве».